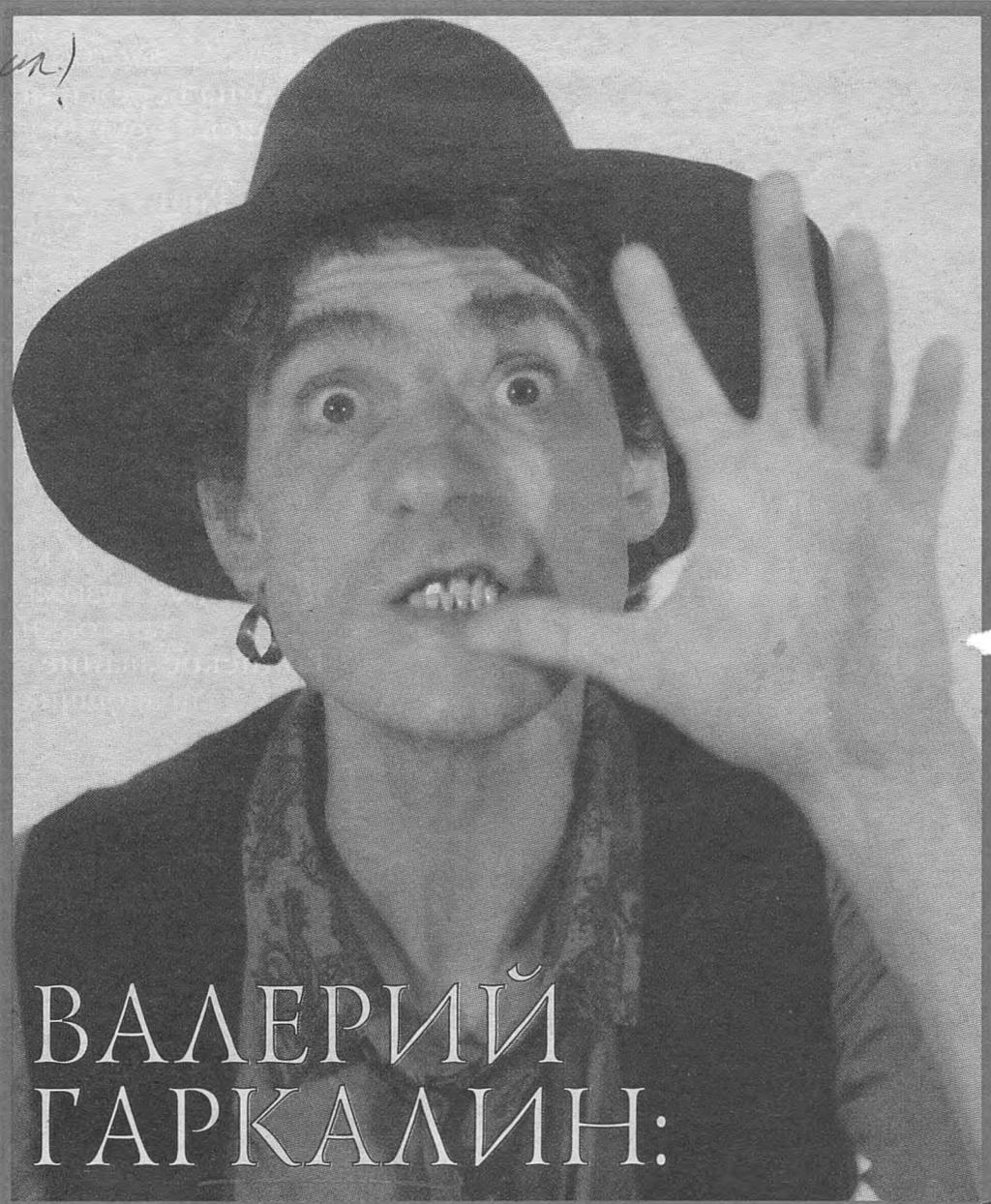

ИНТЕРВЬЮ

Аргументы и факты - 2003 - №2
Гаркалин с 18-19 (1981)

Гаркалин Валерий (№2) 07.03.1981

АКТЕР дважды просыпался знаменитым. Правда, в первый раз, после выхода на экраны фильма Сергея Бодрова-старшего "Катала", эта популярность не носила столь массовый и, как говорит сам Валерий, "народный" характер. Вторая большая волна народной любви пришла к нему после фильма Владимира Меньшова "Ширли-мырли".

ВАЛЕРИЙ ГАРКАЛИН:

«Я - ДИТЯ»

На фото:

1. Жених и невеста. 3 июня 1978 г.
2. С женой Катей и дочерью Никой.

ЧУТЬ НЕ СТОРЕЛ ЗАЖИВО!

- Валера, каким было ваше детство?

- Мама, которой уже нет в живых, любила меня без оглядки. С отцом были проблемы, но он тоже по-своему любил меня. Они жили в такой социальный период, когда жизнь была похожа на выживание. Я не жалею, но, как выразился однажды Владимир Меньшов на съемках: "Детство мое было тяжелым. Всю зиму - в кедах и чугунные игрушки". Мрачный юмор, но в нем есть доля правды. Я родился и жил в Москве, хотя родители приехали восстанавливать разрушенное хозяйство из деревенских районов: отец - из-под Тамбова, мама - из Белоруссии. Я родился в рабочем общежитии, где они жили в течение пяти лет, пока не родилась моя сестра. Потом мы переехали в Сыромятники. Дом стоял на берегу Яузы. У нас была комната в коммуналке, где жили еще две семьи. Но по тем временам, после общежития, огромных коридоров, где носились бездомные дети, это было раем! Я себя помню лет с четырех. Окна нашей комнаты выходили на Андроников монастырь. И хотя я никогда не впадал в религиозный экстаз и воспитывался как воинствующий атеист, почему-то, когда я делал уроки, всегда смотрел в окно, где видел рублевский монастырь и купола. Последующие десять лет мое формирование проходило в окружении завода "Манометр". В общем, я дитя Курского вокзала. Я был дворовым пацаном: участвовал в драках, бывал и битым. Я был слабаком, но делал вид, что я сильный. Артистическая природа уже тогда давала о себе знать, и меня уважали, потому что я был непохож на остальных: пытался петь, а после посещения новогодней елки в ДК Метростроя давал целые представления во дворе! Ребята собирались и, открыв рот, смотрели на меня, поскольку не все могли купить билет на елку.

Каждое воскресенье в час дня мне и моей сестре давалось по десять копеек на детский сеанс в ДК Метростроя. Я водил ее в кино, после сеанса отправлял домой, а сам возвращался в ДК, залезал под кресла (как правило, на детских фильмах мы сидели на балконе) и потом очень тихо, незаметно вылезал в темноте и смотрел взрослые фильмы.

В 12-13 лет я посмотрел под креслами "Мужчину и женщину", причем от начала до конца. Тогда я всем рассказывал, что смотрел порнографический фильм. А позже, когда у нас все еще было под запретом, я любил хо-

дить на фильмы с "клубничкой". Московский кинофестиваль был единственным окошком в западный мир, и кинотеатры заполнялись западными кинематографистами, в их фильмах все было откровенно, особенно в пору сексуальной революции. У моего приятеля был абонемент в другой кинотеатр, картины менялись, и, если он говорил: "В этом фильме столько голых девок!", я обязательно шел на эту картину - и не важно, кто был режиссером! Позже страсть к этому притупилась.

- А какие воспоминания оставила школа?

- Может быть, мне не повезло, но я не любил школу. А, например, Катя, моя жена, училась в хорошей школе, и она вспоминает о ней с удовольствием. Ей везло на учителей. Хотя у меня тоже была замечательная учительница по физике, необыкновенная женщина! Я учился в двух школах - мои родители переехали в подмосковный город Щелково, и последние классы я заканчивал там. В основном везде была атмосфера подавления твоего достоинства, желание превратить тебя в нечто среднестатистическое. С первого класса я чувствовал, что школа - это монстр. Наверное, в ту пору я не понимал этого, но чувствовал, что мне это глубоко противно, в том числе первое сентября, которое тоже всегда было связано с унижением: обязательно нужно было, например, подстричься. А я не хотел этого делать! Идти в парикмахерскую после деревенского вольного лета было отвратительной обязателькой, как, впрочем, и иметь чистый воротничок, значок октябренька, глаженный галстук.

- Вы занимались в театральные кружки?

- Была у нас художественная самодеятельность, которой руководила некая Рита Петровна - актриса одного из московских драматических театров. Я еще пионером был задействован в нем. Помню, мы играли что-то из чеховских водевилей. Спектакль ставили со старшеклассниками, а я играл в эпизодах. Для какой-то сцены понадобилась банка с вареньем. Решили, что банку нужно заполнить чем-то красным, напоминающим варенье. И я предложил положить туда галстук. Возмущению не было предела, даже Рита Петровна сказала: "Может быть, когда тебе вручат комсомольский билет, ты пойдешь с ним в туалет?" Но я подумал, что это очень неудобно и предложение не пройдет (смеется).

- Каково вам пришлось в армии?

- Два года армии - это не так много, как может показаться. Но там это целая вечность, было ощущение, что эта пытка не кончится нико-

гда! Армия, на мой взгляд, - это легкое двухгодичное заключение. Я служил на границе с Китаем в батальоне связи при штабе стрелковой дивизии. Это был период самого сильного обострения наших отношений - мы все Новые года, Седьмое ноября и т. д. встречали в касках, потому что постоянно существовала угроза нападения. Я принимал участие в легендарных учениях "Восток-73", в которых участвовали все дивизии Западной и Восточной Сибири. Это было грандиозное зрелище! В армии судьба свела меня с одним из самых интересных людей, встретившихся мне в жизни. Он очень помог мне, практически сформировал меня. Мои долгие ночные беседы с Толиком (так его зовут) глубоко засели в моей душе. Он знал массу стихов, благодаря ему я много прочел, особенно в период дембельской жизни, когда все валялось на нарах и попивали водку. Тогда я впервые познакомился с Цветаевой. Толик открыл для меня Ахматову. Я прочел там, а не в школе "Войну и мир". Я захлебывался от слез над "Униженными и оскорбленными" Достоевского. А потом... Толик меня спас. Ночью в казарме произошел пожар - горели классные комнаты, расположенные внизу (загорелась проводка). Началась эвакуация в здание клуба через дорогу. А у меня есть некая физиологическая особенность: я могу спать безпробудным сном. Бывает, что в течение долгого времени люди не могут попасть в квартиру, поскольку я не слышу ни звонков, ни сирен, ни запахов. Реальность просто уходит из моей жизни. И вот тогда все повскакивали, потому что, хотя и не было особого огня, угарный газ и дым стали поступать в казарму, и это почувствовали все, кроме меня. Толик (он был комсоргом батальона и служил на офицерской должности, поскольку пришел в армию после института) не нашел меня в клубе среди спасшихся от пожара. Почувствовав неладное, он, рискуя собственной жизнью, вернулся в казарму, нашел меня спящим и вытащил оттуда. Если бы он не вспомнил обо мне, то, может быть, я сейчас не давал интервью...

Толик демобилизовался чуть раньше меня. Потом я заехал к нему в Кемерово и прожил у него недели две, вместо того чтобы сразу ехать домой. Это было прекрасное время, пора ожидания: армия позади, было желание учиться в театральном институте (это решение было принято еще до армии). Я поступил в Гнесинское училище на факультет театра кукол (так случилось, что на драматического актера меня не приняли), где и проучился четыре года. За это время я несколько